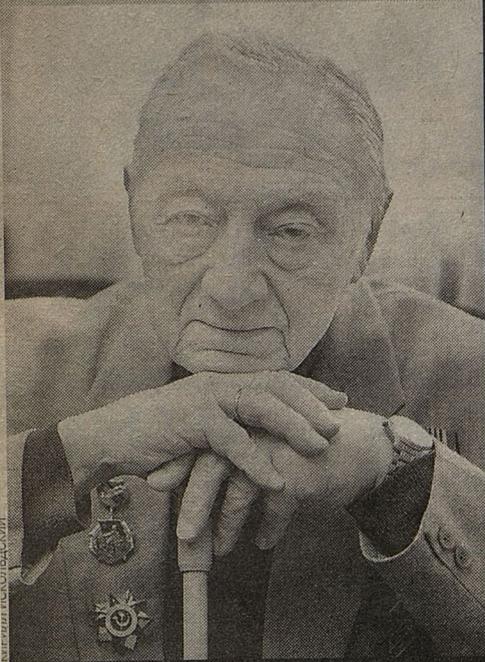

Орловский Виктор
Михайлович

27.01.04

Моск. Комсомолец 2004 - 27 янв - с 7

ПАМЯТЬ

Когда тело истощено настолько, что невозможно встать, когда от голода прямо на улице падают и умирают люди, когда в пищу идут подметки сапог и столярный клей, когда поиск еды превращается в смысл жизни... В

900-дневной хронике блокады Ленинграда есть моменты, которые могут показаться незначительными.

"29 марта 1942 года — с юга прилетели первые стаи уток". "6 мая — состоялся футбольный матч между динамовцами и армейцами (со счетом 7:3 выиграло "Динамо")..."

Для ленинградцев эти события означали победу добра над злом, мира над войной, жизни над смертью.

Одним из таких символов стало 9 августа 1942 года. Тогда в умирающем городе впервые прозвучала бессмертная музыка 7-й "Ленинградской" симфонии Шостаковича. Сейчас из 80 участников Большого симфонического оркестра, который исполнял тогда это произведение, в живых остался только один.

ловск из-за болезни. С Урала ноты привез на самолете летчик-смельчак Василий Литвинов. Большую часть полета ему пришлось лететь с выключенными моторами, чтобы не сбили. Он благополучно привез партитуру в Ленинград, но прямо у входа в здание радиокомитета попал под бомбежку. Сколько-то метров прополз раненый, но в студию его внесли уже без сознания. В руках Литвинов мертвой хваткой сжимал ноты...

9 августа 1941 года немцы обещали занять Ленинград. Спустя ровно год в умирающем, но несломленном городе состоялась премьера 7-й симфонии Шостаковича, которую впоследствии назовут "Ленинградской".

Очереди за билетами в Большой зал городской филармонии были длиннее, чем в булочные. Люди валили на концерт толпами, как будто звуками можно было забить пустой желудок, а музыкой наполнить жилы вместо почти застывшей крови. Вытаскивали из сундуков самую лучшую одежду, о которой уже забыли за годы войны.

Карл Ильич Элиасберг на премьере был во фраке. Накануне он целый день бегал по городу в поисках одной-единственной картофелины, чтобы накрахмалить манишку.

— Больше всего поразило в тот вечер, — рассказывает Орловский, — что весь зал филармонии сиял электрическими огнями: электричество тогда включали раз в день совсем ненадолго.

Люди плакали. В финальной части симфонии, которая должна обозначать победу над фашизмом, зал встал и аплодировал. Кто-то тут же опять падал в кресла, потому что не было сил стоять.

Было в тот вечер еще одно обстоятельство из той, мирной жизни: концерт не прерывала воздушная тревога. Как выяснилось позже, артиллеристы, оборонявшие город, исполнили в тот день собственную огненную симфонию. Три тысячи орудий вели огонь по батареям противника по тщательно разработанной партитуре... Это был день победы среди войны.

Сейчас из участников концерта 9 августа 1942 года в живых остались трое. Флейтистка Галина Ершова и кларнетист Виктор Козлов живут в Петербурге, но они тогда были лишь приглашены на премьеру. Из штатных музыкантов оркестра Элиасберга жив только Виктор Михайлович Орловский.

До 1950 года он работал в Большом симфоническом оркестре Ленинградского радиокомитета. Потом женился, переехал в Москву и еще 28 лет отдал ансамблю Игоря Моисеева.

В 84 года Виктор Михайлович выглядит бодро. Иногда сам спускается за газетой с 5-го этажа на 1-й. Следит за весом. Правда, в последнее время одолели болячки: то позвоночник прихватит, то катаракта. Глаза ему недавно прооперировали: "Теперь вижу как молодой", — говорит Орловский. Конечно, сам он никогда бы операцию не оплатил: каждый глаз стоит тысячу долларов. Помогла внучка Маша, она умница и красавица — два высших образования, три иностранных языка, престижная работа в шотландской фирме, муж, трехмесячная дочь...

На прощание мы попросили Виктора Михайловича рассказать какой-нибудь забавный случай из его блокадной жизни. Вот что у него получилось:

— Однажды летом — было очень жарко — я решил искупаться в реке. А я до войны плаванием занимался, водным поло. И вот нырнул, плыву. А рядом со мной плывут бревна, я их отталкиваю. И тут одно перевернулось, я смотрю: лицо человеческое! Это оказались трупы... Я чувствую, они меня окружают, рты открывают, зовут с собой. Тогда я занырнул и плыл под водой долго-долго, чуть не задохнулся. Вот я стряхнул тогда! — Виктор Михайлович весело рассмеялся...

Они были обычными, самыми простыми людьми. Таковыми же, как мы с вами.

Они сделали так, чтобы мы жили. Теперь они уходят, один за другим, постепенно. Вместе с ними уходит живая история. Но им очень хочется остаться.

Мы можем сделать так, чтобы они жили. На видеопленке, фотографиях, газетной полосе... В нашей памяти.

Вадим АМПЕЛОНСКИЙ.

БЛОКАДА:

МУЗЫКА СРЕДИ АДА

"МК" нашел последнего живого музыканта, игравшего в умирающем Ленинграде знаменитую симфонию Шостаковича

Сильные люди, пытаюсь разжечь печь, не могли донести в руках зажженную спичку или кусочек бумаги, роняли его и сгорали заживо.

Вода была только в Неве. Чтобы донести ведро, нужны были силы. Сил не было. Ведра падали, вода разливалась и замерзала. Люди поскользнулись, падали и тоже замерзали. Некоторые пили прямо из реки, простужались и умирали дома. Мертвые тела были повсюду. Захоронение на кладбище стоило бешеных денег: мало кто мог держать в руках лопату.

Деньги были, но ничего не стоили. Ничто не имело цены: драгоценности, картины, антиквариат. Только хлеб и водка — хлеб чуть дороже. В булочные, где выдавались по карточкам дневные нормы, стояли безумно длинные очереди. Иногда между голодными людьми происходили стычки, если оставались силы. Кто-то умудрялся вырвать у полумертвой старушки хлебный талон, кто-то мародерствовал по квартирам. Но большинство ленинградцев честно работали и умирали на улицах и рабочих местах, давая выжить другим.

Еду люди старались заменить духовной пищей: в городе ставили спектакли театры, были открыты музеи. Все 900 дней блокады работало, билось, как сердце несломленного города, ленинградское радио.

Виктору Михайловичу Орловскому 84 года. Из дома он не выходил уже несколько лет: защемился седалищный нерв, и ходить он может, только опираясь на две палочки. Раньше его поддерживала жена Маргарита Михайловна, но 20 ноября она пошла за детским питанием для трехмесячной правнучки, упала и сломала руку. С тех пор в гипсе и тоже никуда не ходит: гололед. Поэтому накануне 60-летия снятия блокады Ленинграда Виктор Михайлович не может поговорить даже с соседями. А рассказать ему есть о чем.

Вся жизнь Орловского связана с музыкой. Ленинградское музыкальное училище, консерватория, Образцовый военный оркестр, куда Виктора призвали на срочную службу. Это был 1941 год.

23 июня репетицию военного оркестра впервые прервал вой воздушной тревоги. Тогда музыкантам приказали бросить инструменты и вооружиться специальными баграми и щипцами для сбрасывания с крыш зажигательных бомб. Какое уж там искусство, когда кругом война.

О том, что такое голод, Виктор Михайлович узнал еще до того, как 8 сентября немцы разбомбили Бадаевские склады и Ленинград лишился продовольствия. Летом музыканты оркестра эвакуировали раненых. По единственной возможной дороге — на север, к Финляндии. Во время одной из таких вылазок началась бомбежка, и Орловский потащил двух окровавленных бойцов к лесу — спрятаться. Один умер, пришлось бросить. Второго доволло до леса, залегли. В лесу оказалось болото, которое медленно, но верно засасывало. Поднимаешь голову — моментально работает немецкий снайпер. Они пролежали в болоте две недели. Изредка им с самолета сбрасывали продукты, но они либо тонули, либо застревали в ветвях. Попытка двинуться с места — самоубийство: трясины тут же затягивала вглубь. Тантал в подобной ситуации хотя бы сознавал, что он бессмертен... Когда их освободили из болотного плена, два скелета не могли даже пошевелиться.

С сентября 1941 года Ленинград стал похож на средневековый город во время чумы. На улицах появились трупы. Ежедневные нормы выдачи хлеба постоянно понижались: 500 граммов, 250, 125... В ноябре ударил мороз -40. В городе не было воды, тепла, электричества. Домашних животных ленинградцы съели первыми. Женщины и дети плакали, убивая любимых собак и кошек, но они все равно умерли бы от голода. Потом в ход пошли обои, на обратной стороне которых сохранились остатки крахмалистого клейстера, газеты. Люди набивали желудок и тут же умирали от заворота кишок.

— Были случаи, когда матери съедали до-мельзя истощенных младенцев и сразу же сходили с ума, — рассказывает Виктор Михайлович, подавляя дрожь в голосе.

Оттапливались от буржуек. Но иногда обес-